

***Рецензент — это критик в эпоху
упадка литературы***

Вопросы анкеты

- 1. Каково, на ваш взгляд, главное предназначение критики? Какое место она занимает в современном литературном процессе?*
- 2. Кто, по-вашему, основной читатель этого литературного жанра?*
- 3. Какой период в истории белорусской критики вы считаете наиболее интересным и плодотворным?*
- 4. Назовите имена наиболее ярких современных отечественных критиков.*
- 5. Какие критические материалы, опубликованные в последнее время в периодике или сети, вам особенно запомнились?*
- 6. Ваш прогноз относительно дальнейшей судьбы литературной критики как жанра.*

Василь Ткачев, прозаик, драматург:

1. Для писателя критик — прежде всего учитель, советчик. Можно принимать его замечания или нет — это уже другое дело. А читателей он должен ориентировать в литературном потоке, чтобы они могли яснее видеть ситуацию: на что обратить внимание в первую очередь. Истина стара как свет. Хотя Борис Саченко как-то сказал в шутку: «Критики — это люди, которые не умеют писать сами, а учат других». Обратная сторона медали: редко какой писатель может написать критический материал.

Не всегда, кстати, хвалебная критика воздействует на умы и разумы читателей желательным для писателя образом. Есть немало примеров, когда разбитое в пух и прах произведение приносит славу и автору, и критику. Вот классический пример.

Владимир Чивилихин, который в конце пятидесятых и начале шестидесятых был редактором «Комсомольской правды» по отделу литературы и искусства, однажды вышел из кабинета и застыл от неожиданности. В конце длинного редакционного коридора показался молодой поэт Евгений Евтушенко, который решительно, почти бегом приближался к нему. В последнем номере «Комсомолки» была опубликована зубодробительная статья о творчестве Евтушенко, и редактор, подумав, что поэт намеревается по этому поводу заткнуть скандал, приготовился к неприятному разговору.

Однако Евтушенко крепко обнял его и с радостным блеском в глазах воскликнул:

— Володя, спасибо! Вы сделали меня знаменитым!

Это я так, к слову... Хотя почему — к слову? Мой рассказ «Перекур», напечатанный в «ЛіМе» в январе 2008 года, после того, как о нем через месяц в том же еженедельнике молодой критик написал что-то непонятное — статью, по размеру большую, чем рассказ, вызвал небывалый интерес у читателей, о чем я сужу по звонкам и письму старейшего нашего писателя-гомельчанина Михася Даниленко...

2. Библиотекари, учителя, краеведы, работники культуры, поклонники писателя, он сам, разумеется, и... недоброжелатели. «Ага, получил!» Этих всегда хватает. Если рядом кто-то успешно работает в литературе, а другого Бог обидел или тоска заела, — то хоть какая-то радость в жизни у человека...

3. Может быть, 60—70 годы прошлого столетия? Я тогда сам входил в литературу, был не безразличен к публикациям подобного рода. В памяти отложились такие имена, как Рыгор Шкраба, Варлен Бечик, Рыгор Березкин, Виктор Коваленко, Борис Бурьян, Яков Герцович, позже — Алла Кабакович... Пусть простят те, кого не вспомнил. А не вспомнил кого-то — это наверняка. Да, событием тогда, чуть не забыл, стала и книга Михася Стрельцова «Загадка Багдановіча».

4. В оценке поэзии, мне кажется, нет равных Владимиру Гнилomedову. Основательный мастер! С интересом читаю публикации Вячеслава Рагойши, Адама Мальдиса, Дмитрия Бугаева, Серафима Андреюка, Михася Мушинского, Татья-

ны Шамякиной, Василя Журавлева, Алеся Мартиновича, некоторых молодых, но зубастых авторов, имена которых могу назвать, покопавшись в первоисточниках. Про меня писал Алесь Мартинович и в то время, когда я делал первые шаги на литературной ниве, что для меня было чрезвычайно важно, да и сейчас он не проходит мимо, замечает...

Жаль, куда-то исчезла Наталья Яковенко. Редко встретишь публикации Елены Руцкой.

Иногда издатели просят автора написать «пару слов» к выходу своей книги. А не нескромно ли это? Я в таких случаях вспоминаю К. Паустовского: «Обычно писатель знает себя лучше, чем критики и литературоведы. Вот почему я согласился на предложение издательства написать краткое предисловие к своему Собранию сочинений.

Но, с другой стороны, возможность говорить о себе у писателя ограничена. Он связан многими трудностями, в первую очередь — неловко давать оценку собственным книгам.

Кроме того, ждать от автора объяснения собственных вещей — дело бесполезное. Чехов в таких случаях говорил: «Читайте мои книги, у меня же там все написано». Я с охотой могу повторить эти чеховские слова».

Вспомнив К. Паустовского, подумалось: а почему бы другой раз критику и не поинтересоваться, что хотел сказать писатель? Может, стоит? Или между писателем и критиком не может быть союза? Мол, если ты критик, то соответствуй предназначению — бей!..

5. Очень ярких публикаций вспомнить не могу. Ничего не зацепило. А вот три тома Ивана Штейнера, земляка-гомельчанина, назову: «Дняпроўскія матывы», «Прыпяцкая рапсодыя» и «Сожскі карагод». Книги представляют собой сборники научно-популярных статей, в которых анализируется творчество писателей, жизнь которых связана с Гомельщиной. Большой труд. Никто из творцов, кажется, не обделен вниманием. Правда, авторство И. Штейнера засвидетельствовано только на одном томике, но я-то знаю, что и в двух других почти все тексты его.

Да и так Иван Штейнер, случается, замолвит словечко о ком-то из местных литераторов в республиканской печати.

6. Институт критики, как мне кажется, у нас уходит, если уже не ушел, вместе с болотами. И если тех коснулась мелиорация, то что же произошло с критикой? Как это ни парадоксально, сам литературный процесс постепенно и убивает критику. Что сегодня происходит в литературе? Где Мележ, Шамякин, Быков, Танк?.. Увы! О чем бы сегодня могли сказать читателю тот же Варлен Бечик и Рыгор Шкраба? Только хорошая литература и рождает хороших критиков! Один полковник, которому пожелали стать генералом, полушутя обронил: «Войнишка нужна». В нашем смысле — литература нужна, тогда будут и в критике генералы.